

Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысляя американский опыт)¹

Е.С. Арляпова, Е.Г. Пономарева

Арляпова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН); Россия, 111398, Москва, ул. Кусковская, д. 16; elena.s.arlyapova@gmail.com

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76; nastya304@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется американский опыт создания и работы виртуального посольства в Иране. Вопрос рассмотрен сквозь призму развития новых информационных технологий и их применимости в сферах внешней политики и дипломатии. В российской экспертной среде эта тема не получила должного внимания и осмысления, хотя могла бы стать самостоятельным направлением в академическом изучении, а главное — быстрым и относительно не затратным решением вполне конкретных задач — как на временной, так и на постоянной основе — в практической части текущей внешней политики.

Для России опыт внедрения и управления такой технологической единицей может найти применение в различных направлениях, объединенных невозможностью или затрудненностью осуществления деятельности по традиционным дипломатическим каналам в той или иной политико-географической зоне. Наиболее подходящей локацией для приложения такого рода усилий видится политика Косово, где работа российским дипломатическим ведомством не ведется по понятным, но формальным и отстающим от быстроменяющихся условий международной жизни причинам. В итоге есть риск, что впоследствии всю работу в регионе нужно будет начинать «с нуля» или даже отрицательных значений. Но это лишь один и самый очевидный пример необходимости виртуализации дипломатического представительства. Текущий кризис выявил контуры гораздо большего числа направлений, недоступных теперь для осуществления Московской традиционной дипломатической активности, но требующих постоянного внимания и планомерной работы. Альтернативой для них могло бы стать виртуальное пространство — в качестве стартовой площадки диалога, затем трансформирующейся в дополняющие и усиливающие инструменты присутствия и влияния. Успешный опыт российских медиа за рубежом говорит о хорошем потенциале и высоких шансах этих направлений.

Ключевые слова: виртуальное посольство, ИКТ, новые технологии влияния, дипломатия, цифровизация, внешняя политика России, американо-иранские отношения, публичная дипломатия

Для цитирования: Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Виртуальное посольство: новые технологии представительства и влияния (осмысляя американский опыт) // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. С. 32–47 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-02

¹ Статья поступила в редакцию 27.07.2023.

Введение

Как и все в наш дивный век, дипломатия движется вперед, пытаясь одновременно не отстать глобально от стремительных скоростей жизни и остаться вместе с тем одной из самых консервативных ее областей. Рефлексия на тему соотношения старого и нового в такой чувствительной сфере продолжается с давних пор [Rossiter, 1956; Seib, 2010], и на национальных уровнях проблема решается по-разному. Несмотря на поочередные «похороны» то американской, то европейской, то российской, а то и вовсе дипломатии как таковой, о чем все чаще заявляют аналитики [Бордачѳв, 2023; Сушенцов, 2022; Cohen, 2013] и практикующие дипломаты [Бѳрнс, 2019; Крамаренко, 2019], не говоря уже о фокусирующихся на внешнеполитической тематике отечественных и зарубежные СМИ, отрасль продолжает расти и развиваться.

В самом конце 2021 г. мировые издания оповестили читающую аудиторию о намерении Барбадоса открыть первое посольство в метавселенной [Bloomberg, 2021; ТАСС, 2021]. По замыслу, виртуальное посольство со временем сможет выполнять часть функций, присущих обычным дипломатическим миссиям государств, а именно оказывать консульские услуги путем выдачи электронных виз заявителям. Событие стало весьма резонансным. Одни увидели в этом новый тренд, другие – информационный повод и рекламный трюк. Так или иначе, Министерство иностранных дел и внешней торговли Барбадоса подписало официальное соглашение с Decentraland о создании цифрового посольства. Кабинет министров тоже одобрил эту инициативу, оценив ее как уникальную дипломатическую возможность. Более того, на этапе оглашения местное правительство находилось в завершающей стадии переговоров еще с двумя популярными платформами – Somnium Space и SuperWorld.

Инициатором и идейным вдохновителем проекта выступил посол Барбадоса в ОАЭ (сразу вспоминаются технологические прорывы самого Абу-Даби как закономерный итог многолетней планомерной работы по освоению и внедрению передовых технологий [Мелкумян, 2022]) Габриѳль Эбед – по совместительству знаток сфер криптовалюты и блокчейна. Он уверен, что технологическая дипломатия «распространится на культурную – в виде арт-обмена в живописи, музыке и культуре» [Barbados Today, 2021]. С виртуальным посольством связаны амбициозные финансово-экономические ожидания представителей бизнес-сообщества. Однако официальные лица настроены на работу в новом формате, но все-таки с традиционными партнерами и в традиционных сферах. Наиболее очевидными среди них являются культура и туризм.

Таким образом, список современных разновидностей дипломатии – гуманитарная, научная, культурная, спортивная, сетевая, парадипломатия, «твипломаси» и т.п. [Зонова, 2019] – продолжает пополняться. Но мы хотели бы обратиться к опыту десятилетней давности в сравнении с барбадосским. А именно – к американскому проекту открытия виртуального посольства в Иране в конце 2011 г. Событие широко освещалось ведущими мировыми СМИ [BBC News, 2011; Erdbrink, 2011], но, к удивлению, одномоментно и краткосрочно; оно не стало резонансным в сравнении с другими – с тем же барбадосским «прорывом» в метавселенную. Возможно, это объясняется просто – разницей в общем технологическом уровне в конкретный срез времени и осведомленности общественности об открывающихся возможностях. Десять лет скоростного развития сформировали новую, более подготовленную к оценке таких внедрений аудиторию. А тогда, в 2011 г., проект остался недооцененным, хотя даже сегодня потенциал его велик, а актуальность далеко не исчерпана.

Наша цель – проанализировать дипломатическую инициативу США и рассмотреть возможности применения американского опыта в российской внешней политике там, где ее проведение традиционными способами невозможно или чрезвычайно затруднено. Речь пойдет о кейсе Косово, однако в условиях текущего кризиса число точек приложения иммерсионного опыта может увеличиться. Уже сейчас в нем потенциально находится Украина, а также ряд государств, взявших курс на дистанцирование от России с сокращением совместных программ и запретом российских проектов, а также с физическим закрытием диппредставительств на своей территории.

А справедливый тезис о том, что основанная на информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) дипломатия, «скорее, расширяет, чем заменяет дипломатическое представительство международных акторов» [Spies, 2019], многократно увеличивает этот перечень. Во-первых, за счет государств, где дипломатическое присутствие может быть таким образом расширено и дополнено. Во-вторых, за счет акторов новейшего времени: транснациональных корпораций, мощных мировых социальных медиа и сетей, которые оказывают сегодня значительное влияние на дипломатию вплоть до смены правил игры в международных отношениях и вмешательства в одну из главных функций традиционной дипломатии – управления постоянным взаимодействием государств в мире. Все это вместе делает высокими шансы на эффективное использование американского опыта в российской внешнеполитической практике.

Почему виртуальное посольство?

Этот вопрос – почти дословное копирование названия соответствующего раздела на сайте Госдепартамента США [U.S. Virtual Embassy Iran]. Безусловно, неожиданный ход со стороны ведомства нуждался в пояснениях. Но до их изложения и анализа обратимся к предыстории события. В 1979 г. здание посольства США в Тегеране было захвачено, служащие посольства были взяты в заложники. Требования к Белому дому со стороны захватчиков заключались в следующем: выдать сбежавшего в ходе революции и нашедшего убежище в США иранского шаха, вернуть иранские активы, обещать не вмешиваться во внутренние дела Ирана в будущем и принести официальные извинения за действия в прошлом.

В ответ Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Тегераном, объявил эмбарго на иранскую нефть, а далее – полное экономическое эмбарго, заморозка активов Ирана, к которым первый имел доступ. Все эти действия сопровождались чудовищными шагами в адрес друг друга на разных уровнях, включая бытовой: иранцы жгли на улицах чучела и флаги, открыто желая смерти американцам, а американцы в ответ увольняли с работы сограждан иранского происхождения, нападали на их дома и т.д. «Драма заложников» продолжалась 444 дня. Обе силовые попытки спасения сотрудников американского посольства стали хрестоматийно неудачными – и на стадии реализации (Eagle Claw), и на стадии разработки (Credible Sport). В итоге спасение людей состоялось благодаря переговорам и условному выкупу в размере 3 млрд долл. [Алексеев, 1999]. Условному, потому что средства были взяты из замороженных активов Ирана. Результатом этих событий стала «утрата всех, казалось бы, мощных и непоколебимых позиций США в Иране. Более того, из главной опоры американской ближневосточной политики Иран превратился в главного врага, очаг революции, угрожавшей союзникам США на Аравийском полуострове» [Мирский, 2009].

Дипломатический кризис между Вашингтоном и Тегераном продолжается по сей день. С 1980 г. интересы США в Иране представляет посольство Швейцарии; Ирана

в США – посольство Пакистана. В 2006 г. президентской администрацией США было создано Управление Госдепартамента по делам Ирана, ставшее центральным звеном по всем вопросам, связанным с Ираном, включая общественную дипломатию. И, наконец, в 2011 г. была сделана попытка перейти к виртуальному взаимодействию в данной сфере.

Создание виртуального посольства – это шаг в плоскости публичной дипломатии прежде всего. Инициатива планировалась и позиционировалась именно с этой точки зрения (и применения). Ее представление начинается с обращения: «Это место для вас, иранский народ...» [U.S. Virtual Embassy Iran]. Иными словами, это не было попыткой восстановить дипломатические отношения с государством. О чем четко сказано в устанавливающем контенте: сайт не является официальной дипломатической миссией, а также не представляет аккредитованное правительством Ирана посольство. Отсутствием официальных контактов создатели как раз объясняют решение прибегнуть к альтернативным каналам сообщения.

Цель «виртуального посольства в Тегеране» – информирование и просвещение иранской аудитории о Соединенных Штатах. Стержневой стала идея о возможности влияния США на контент, к которому имеет доступ иранская молодежь, и, следовательно, о возможности опосредованно влиять на формирование мнения этой целевой аудитории. Здесь отчетливо видна реализация «принципиального новшества» американской публичной дипломатии 2000-х годов – ставка на женщин и молодежь, хорошо изученного и описанного отечественными экспертами [Пономарева, 2015]. Неудивительно, что помимо официально заявленной цели – информирования и просвещения, проект был призван решать «сопутствующие» задачи в виде борьбы с дезинформацией, содействия взаимопониманию, а также «долгосрочной поддержки демократических групп на низовом уровне» [Fialho, Wallen, 2013].

С технической точки зрения новая структура объединила тематические интернет-ресурсы: специально созданный одноименный интернет-сайт на базе общей платформы внешнеполитического ведомства США и несколько официальных аккаунтов ведомства в различных социальных сетях и хостингах под «зонтиком» с единым наименованием USABehFarsi. Последний включает коммуникационные каналы в сетях Facebook и Instagram², Telegram, Twitter³ и YouTube.

Базовый веб-ресурс – «виртуальное посольство в Тегеране» – включает раздел о визах (без предложения консульских услуг), об образовании и культуре, об американо-иранских отношениях, о сути и миссии проекта, об услугах гражданам США, находящимся на территории Ирана (предоставление контактной информации на случай чрезвычайной ситуации).

Внешнеполитическая инициатива Госдепартамента в иранском направлении не была однозначно тепло встречена у себя «дома» – она была воспринята экспертным сообществом неоднозначно. Весьма скептически отнеслись к ней некоторые профессионалы из сферы американской публичной дипломатии. Отчасти это обусловлено быстрой реакцией и эффективными контрмерами Ирана, которые предсказуемо повлекли за собой вопрос в самом популярном жанре: «Имеет ли смысл затея с виртуальным посольством в Тегеране, или это пустая трата средств налогоплательщиков США?» [Dale, 2011]. С одной стороны, критики вынужденно соглашались с тем, что публичная

² Деятельность Facebook и Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

³ Twitter заблокирован в Российской Федерации с 4 марта 2022 г. по решению Роскомнадзора.

дипломатия США не должна определяться теми, кто пытается заблокировать американский контент, а это на тот момент еще Китай, Куба, Северная Корея. С другой – настаивали на ошибочности все большего перевода международного вещания США на цифровые платформы (с опцией технологически продвинутых режимов «выдернуть вилку из розетки», обесценив усилия американского внешнеполитического ведомства) и возможности лучшего применения как бюджетных денег, так и человеко-часов.

Трудности «Большого сатаны»

Помимо прохладного приема, реализация американской инициативы, естественно, сталкивалась с другими трудностями. Начнем с внешних – в виде противодействия Ирана, который старается оперативно реагировать на инициативы «Большого сатаны» – именно так в речи 5 ноября 1979 г. аятолла Рухолла Хомейни охарактеризовал США [Buck, 2009, p. 136]. Сразу после начала работы виртуального посольства Тегеран оперативно принял ответные меры и заблокировал ресурс. Страна оказалась готова к «встрече» американцев, так как о предстоящем открытии нового во всех смыслах «посольства» еще в октябре 2011 г. сообщила публике госсекретарь США Х. Клинтон.

Заместитель госсекретаря в день открытия проекта, когда веб-ресурс уже в течение нескольких часов оставался функциональным, выражала если не уверенность, то надежду, что у них «есть технические возможности восстановить его, даже если он будет нарушен» [Erdbrink, 2011]. Но эти расчеты были слишком оптимистичными. Вещавший по меньшей мере по трем различным URL-адресам сайт virtual embassy Tehran был вскоре все же заблокирован. Для всех, кто пытался посетить его с иранской территории, уведомление системы гласило: «В соответствии с законом о киберпреступности доступ к этому веб-сайту невозможен» [Reuters, 2011].

Что касается социальных медиа, сетей и мессенджеров, то в стране заблокированы все основные: Medium, Reddit, Snapchat, Telegram, Threads, WhatsApp, YouTube, а также запрещенные и признанные экстремистскими в России. Тем не менее, по имеющимся скудным данным, примерно 75% иранцев старше 18 лет на постоянной основе используют как минимум одну платформу социальных медиа и/или сетей, среди интернет-пользователей 64% предпочитают WhatsApp, 45% – Instagram⁴, 36% – Telegram [Iran International, 2022]. Как мы увидим ниже, при сопоставлении показателей указанные общие данные по иранским пользователям не будут сохранять такие же пропорции при распределении по каналам коммуникации, продвигаемым Госдепартаментом США. Стоит еще учесть определенный процент местного населения, использующего интернет только для поиска информации и проверки электронной почты.

VPN остается основным инструментом обхода ограничений для иранцев. В числе бенефициаров этих контртехнологий находится и американский интернет-проект. Нельзя сказать, что он пользуется какой-то исключительной популярностью у населения. Иранцы объективно больше озабочены практическими вещами, связанными с интернетом, такими как электронная коммерция и другие способы заработка в киберпространстве – процент участников таких сделок постоянно растет. Но виртуальное посольство США уже есть в их цифровой реальности, медленно или быстро, хорошо или плохо, но развиваются сети, объединенные под его эгидой. Все интересующиеся американской проблематикой могут получить к ресурсу доступ. За год существования базовый веб-ресурс «посольство США в Тегеране» получил порядка 2 млн просмотров

⁴ Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории России.

иранской аудиторией. Такие цифры привел пресс-секретарь Госдепартамента в рамках подведения итогов первой годовщины проекта [The Times of India, 2012].

Существуют и трудности внутреннего характера. Проект предсказуемо не был свободен от просчетов со стороны разработчиков. Так, с первыми сложностями столкнулись уже на старте — в названии. Оно было полностью идентично традиционным наименованиям привычного формата физически существующих миссий в разных странах: американское посольство в Москве, российское посольство в Вашингтоне и т.д. Сделано это было умышленно — с отсылкой к «драме заложников» в Тегеране 1979 г. Однако, по словам анонимного источника во внешнеполитическом ведомстве США [Fialho, Wallen, 2013], выбор названия не возымел эффекта, на который рассчитывали в управлении. Возможно, потому что за тридцать лет с момента случившегося выросло поколение иранцев, не ощущающих какую-либо эмоциональную связь с теми событиями и плохо соотносящих грандиозный дипломатический скандал («вторую революцию» в известной формулировке А. Хомейни) и последовавший за ним дипломатический кризис в ирано-американских отношениях.

А вот ставка на широкий охват социальных сетей в целом оправдала себя. В конкретных цифрах отдельные (по различным коммуникационным каналам) аудитории USABehFarsi на июль 2023 г. измеряются и выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Социальные сети USABehFarsi в Иране

Название	Год основания	Подписчики	Контент
Facebook (запрещен на территории России)	2010	689 000	—
Instagram (запрещен на территории России)	2013	682 000	3658 постов
Telegram	2015	9 836	4068 постов
Twitter (заблокирован в России)	2011	752 300	9000 твитов
Youtube	2011	11 800	1300 видео

Источник: Составлено авторами.

Как видно из табл. 1, лидирующее положение в «зонтике» USABehFarsi у его Twitter-аккаунта⁵ с наибольшим охватом пользователей и количеством публикаций (твитов). Далее с предсказуемо близкими по размеру аудиториями — Facebook⁶ и Instagram⁷. К сожалению, мы не располагаем данными по общему количеству публикаций (постов) в первой сети. Скорее всего, по причинам обеспечения безопасности подписчиков Facebook-страница содержит минимум информации о себе, скрывает имена посещающих ее и подписанных на контент пользователей, оставляя в публичном доступе только свои собственные подписки, а их пять: президент Дж. Байден, первая леди США Дж. Байден, вице-президент К. Харрис, Белый дом и Госдепартамент США. Также об аккаунте в этой сети известно, что он был создан ранее всех других в рамках иранского направления работы американцев, включая и собственно проект «виртуальное посольство в Тегеране»; трижды переименовывался в соответствии с новыми задачами и стратегией.

⁵ Соцсеть заблокирована в России.

⁶ Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории России.

⁷ Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории России.

YouTube- и Telegram-каналы USABehFarsi значительно отстают от остальных по количеству заинтересованных в их контенте. Это особенно касается Telegram, поскольку работа канала поддерживается на невысоком уровне: последнее сообщение датировано 7 января 2022 г., а системой выдается предупреждение о возможной скорой утрате прав собственности на этот канал в силу отсутствия какой-либо динамики в нем в течение продолжительного времени. Отдельно отметим техническую сторону YouTube-канала: в массе своей это видео на английском языке с субтитрами на персидском.

Языковой момент, на наш взгляд, чрезвычайно важен и подлежит обязательному учету при осмыслении и применении усовершенствованного американского опыта. Язык проекта, несмотря на титанические усилия американцев по переводу огромных массивов информации и особый акцент (даже в названии медиа-«зонтика») на нем, можно отнести к ошибкам и недоработкам. Уклон исключительно на персидский язык значительно сужает аудиторию проекта. Думается, что «классический» подход американцев к продвижению собственных интересов через обучение (в первую очередь английскому языку) был бы более продуктивным. А добавление к нему арабского (с учетом того, что эти два языка – английский и арабский – являются обязательными иностранными для изучения в школах Ирана) прибавило бы популярности и в целевой стране, и на Ближнем Востоке в целом.

Востребованность опыта виртуальных посольств

При общей невысокой заинтересованности в мониторинге американского проекта ряд государств все-таки вовлекся в дискуссию вокруг него при наступлении осложнений в том или ином внешнеполитическом секторе индивидуально для каждого из них. Один из примеров: закрытие канадских посольств в Сирии и Иране в 2012 г. Тогда виртуальное присутствие (именно ввиду уже имеющегося, работающего опыта) как опция прозвучало сразу за привычным решением о совместном использовании посольств (Великобритании в данном случае) для представления интересов в стране в условиях сворачивания официальных контактов и связей [Howard, 2012].

«Дип-шеринг» (дипломатический шеринг) перестал быть единственно возможным решением остаться в стране. Более того, цифровые посольства по примеру американского давали возможность не только присутствовать, но и действовать: наращивать влияние, оказывать давление и т.д. Собственно, достигаемый эффект напрямую зависел от действий и мог оказаться прямо противоположным ожидаемому. Канадцы очень вдумчиво подошли к этому вопросу. В целом высоко оценив идею американцев, они нещадно раскритиковали ее исполнение.

Основная претензия, по сути, та же, что звучала в медиапространстве и раньше: предверие и ход освещения старта проекта. Тогда часть аналитиков и журналистов окрестили начинание пропагандистским [Rad, 2011], справедливо отметив, что переводы многостраничных пресс-релизов и исторических очерков не способствуют формированию оживленного межкультурного взаимодействия и открытого общения, что дипломатическая работа – это не только говорение, но и слушание. Впрочем, это типичная «американская проблема», о которой много написано и в контексте вполне традиционных дипломатических миссий.

Вернемся к канадцам и их осмыслению опыта США. Веб-сайт на платформе Госдепартамента показался им чрезмерно статичным, лишенным не только динамики, но и не приспособленным к ней в принципе. Свои гипотетические виртуальные

дипмиссии канадцы предполагали усилить онлайн-тренингами по кибербезопасности для аудитории целевой страны и ее безопасности на местах, снабдить опциями подачи заявлений на визу и убежище, а также информирования о возможности получения образования в Канаде.

Теоретически канадцы выступали за большую свободу в общении с зарубежной общественностью – без того, «чтобы министр редактировал каждое сообщение» [Howard, 2012]. Министерство иностранных дел должно сейчас (речь о 2012 г.), а не через десять лет осваивать социальные сети и цифровые технологии, причем выстраивая стратегию таким образом, чтобы она была нацелена на конкретный рабочий результат, а не на наблюдение за собственными дипломатами и защиту от их случайных ошибок. В идеале им видится большой дипломатический корпус, обладающий техническими знаниями, позволяющими проводить эффективную работу в социальных сетях.

Вслед за канадцами, годом позже, Израиль сообщил об открытии своего виртуального посольства в государствах Персидского залива – «сродни сайтам Госдепартамента США для общения с иранцами и сирийцами» [Ravid, 2013]. На деле это была упрощенная до предела версия американской «виртуальности» – аккаунт Министерства иностранных дел в Twitter⁸ с фокусом на монархиях Персидского залива. Далее Тель-Авив стал именовать свою инициативу Twitter-посольства «Израиль в ССАГПЗ» (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива).

Еще через год израильтяне «установили» цифровой диалог с Ираном. В плоскости теории последовало закономерное обращение к американскому опыту, прямая аналогия – Иран – этому способствовала. Надо сказать, что израильские дипломаты отнеслись к нему гораздо менее критично, чем их канадские коллеги. Они однозначно позитивно оценили множество каналов коммуникации на персидском языке, посчитав это залогом широкого охвата целевой аудитории. Контентно «виртуальное посольство в Тегеране» напомнило им обычное посольство с точки зрения ознакомления иностранной аудитории с культурой и ценностями США. Отличительной чертой они назвали прямой контакт – минуя иранское правительство – между правительством США и народом Ирана [Digital Diplomacy, 2014].

На практике же цифровой диалог между Тель-Авивом и Тегераном действительно состоялся, но в оригинальной манере, которая заслуживает рассмотрения в контексте обмена подобным опытом. Итак, Израиль решил прибегнуть к цифровым инструментам дипломатии в марте 2014 г. после обнаружения оружия предположительно иранского происхождения на одном из захваченных судов. Тель-Авив «использовал свои цифровые каналы для распространения изображений оружия, упакованного в иранские мешки из-под цемента», которые, по мнению израильской стороны, доказывали, что оружие было произведено в Иране. Собственно, это Израиль и посчитал началом цифрового диалога с противником. Информационная кампания, суть которой заключалась в тиражировании изображения оружия и сообщений о возможном воздействии на гражданских лиц, продолжалась неделю. В кампании был задействован премьер-министр страны. Но усилия были тщетны: другие страны слабо и неохотно реагировали на твиты Израиля. Так было до момента, когда в диалог вступил Тегеран, решивший опровергнуть обвинения. Однако свою защиту Иран выстроил нестандартно. Вместо того, чтобы, как обычно, опубликовать в Twitter опровержение, Иран быстро заполнил свои цифровые каналы юмористическими твитами, в которых задавался вопрос, как далеко готов зайти человек, чтобы заполучить в свои руки первоклассный иранский

⁸ Соцсеть заблокирована в России.

цемент? И ответом, что Биби (Биньямин Нетаньяху) для этого преодолел 8 тыс. км [Digital Diplomacy, 2014].

Далее последовала еще небольшая серия остроумных твитов с обеих сторон. Этот обмен был назван прямым общением Исламской Республики Иран и Израиля. При этом отмечалось, что хотя «эти твиты ни в коем случае не являются примерами дипломатических отношений между двумя странами, они тем не менее стали примером их виртуальных отношений» [Digital Diplomacy, 2014]. И в принципе, если такого рода диалог рано или поздно приведет к пониманию и принятию, то потенциал цифровой дипломатии будет тогда по-настоящему реализован.

Подводя итог, отметим, что справедливо критикуемый, не всегда эффективный, часто раздражающий напором и безапелляционностью американский опыт стал для профессионалов дипломатической службы наглядной иллюстрацией того, что «именно виртуальные посольства должны стать основой стратегии иностранных государств в области цифровой дипломатии» [Howard, 2012].

Ничто не может оставаться неизменным (персидская пословица)

У России сейчас нет официальных отношений с Косово. Но это не значит, что нужно отказаться от любой работы с проблемным регионом, находящимся под плотным контролем НАТО [Арляпова, Пономарева, Пророкович, 2022]. За сухими цифрами и констатациями – о прозападной ориентации Приштины, о ее антироссийской риторике, о сербофильстве Москвы и т.д. – всегда с обеих сторон стоят люди. Диалог между ними может быть начат и продолжен. Это не означает автоматического признания или согласия с проводимой политикой: достаточно вновь обратиться к американско-иранскому опыту или посмотреть, например, на развитие отношений Белграда с монархиями Персидского залива и даже Турцией в традиционном формате: немедленное признание новых государств на Балканах, особенно в ракурсе вопроса единоверия, стало практически кредо их политики в регионе, но не помешало выстраиванию двустороннего взаимодействия с Сербией.

И не согласимся с канадцами, что не должно быть «никаких рецептов из кухни канадского посла в Twitter»⁹ [Howard, 2012]. В российском медиапространстве пусть будет и такой, и другие рецепты национальных кухонь – русской, кошерной, халяльной – на любой, самый взыскательный вкус.

С другой стороны, нужно учесть отрицательные стороны американского опыта. Они заключаются не только во внешнеполитическом «менторстве» в адрес совершенно не подходящих на роль стажера государств, которое в итоге наносит ущерб выстраиваемым отношениям. Целевую аудиторию США часто раздражает американоцентричный подход в целом: в формировании контента, в организации обратной связи и т.д. Он чувствуется во всем, начиная с приветственного видеообращения Х. Клинтон: «Эта платформа для того, чтобы мы общались друг с другом – открыто и без страха – о Соединенных Штатах, о нашей политике, о нашей культуре, об американском народе...» [The Times of India, 2012]. Внешний наблюдатель остро реагирует на такое избыточное говорение о себе, что четко показало прочтение проекта максимально дружественными к США канадцами.

⁹ Соцсеть заблокирована в России.

Пусть общение на российских платформах будет максимально живым. Его можно дополнить технологиями виртуального обмена, широко распространенными в дипломатической практике некоторых стран. Это особенно актуально для россиян и коллег, на условиях взаимности не располагающих условиями обмена физического: в формате путешествий, студенческих стажировок и рабочих командировок, другого рода встреч и живого общения. Как показала практика внедрения технологии в работу (в частности, на опыте посольства США в Джакарте), «виртуальный обмен в корне меняет представление о том, как и кто обменивается информацией, и вполне может оказаться жизнеспособным продолжением публичной дипломатии и новым средством создания и применения мягкой силы во внешней политике» [Helland, 2018].

Конечно, ответ на все чаще задаваемый на самых уважаемых дипломатических площадках вопрос «нужны ли нам еще посольства?» (в традиционном смысле и формате) [Oliver, 2016] будет утвердительным. На данном этапе, как показывает американский опыт внедрения и работы новых технологий, а правильнее сказать – с новыми технологиями, так как человек, профессиональный дипломат, остается центральным звеном системы, речь идет о выстраивании альтернативных (при полном отсутствии иных) или дополнительных (при наличии основных) каналов связи и коммуникации.

Что же касается Косова, то до 22 октября 2021 г. в Приштине находились два сотрудника офиса связи Российской Федерации. Аккредитованные при ООН дипломаты официально числились работниками посольства России в Сербии. Осенью 2021 г. президент Косова Вьоса Османи сообщила, что МИД самопровозглашенной республики «издал постановление о нежелательности пребывания данных граждан на территории страны» [Хвостик, 2021]. Объяснение для такого рода действий было жестким – нарушение национальной безопасности и конституционного строя. При этом Османи особо отметила, что «все структуры Косово привержены к решительной борьбе с пагубным влиянием России и ее сателлитов в регионе, которые стремятся подорвать достижения Косово, а также США, НАТО и Евросоюза», а потому Приштина намерена продолжить тесное сотрудничество с американскими и европейскими союзниками, «чтобы предотвратить попытку сделать Косово и наш регион жертвой дестабилизирующих амбиций Российской Федерации» [Хвостик, 2021].

Ответ посольства России в Сербии соответствовал принципам отечественной внешней политики в отношении самопровозглашенной политики: поскольку Москва не признает независимость Косова, то решения Приштины не имеют правовой силы. Однако определение высылки российских дипломатов со стороны Москвы как провокации не могло разрешить ситуацию – дипломаты вынуждены были уехать.

Агрессивная риторика приштинских властей и приверженность Москвы положениям резолюции ООН 1244 в быстроменяющихся политических реалиях и при имеющихся технологических возможностях не должны быть препятствием для развития новых форматов представительства страны и продвижения ее влияния. В этом контексте американский опыт по созданию виртуального посольства в Иране – показательный и поучительный пример. В случае Косова акцент российской стороной должен быть сделан не на установление контактов с властными институтами, занимающими откровенно недружественную позицию, а на связи с местным населением – как с сербским меньшинством (1,46% населения), так и с албанским большинством (92,9% населения [Statistical Office of the Republic of Serbia, 2022]). Виртуальная площадка должна стать местом презентации России именно для них. Поэтому важно разработать интересный и познавательный контент для «маленького человека» с Балкан. Это трудоемкая, но интересная и благодарная работа.

Однако «овраги» на пути обоснования и проектирования «виртуального посольства» в Косове или любой иной точке мира подстерегают отечественных проектировщиков не только и даже не столько на пути выбора информационного и визуального содержания платформы. В условиях текущего кризиса весьма проблематичной может оказаться возможность использования глобальных платформ и современных технологий российскими ведомствами, во-первых, в силу угрозы блокировки, во-вторых – из-за санкций в сфере цифровых продуктов. Выходя на поле цифровой дипломатии сегодня, необходимо учитывать эти финансовые и политические риски.

Из пятерки ведущих ресурсов – Facebook¹⁰, Instagram¹¹, Telegram, Twitter¹² и YouTube – гарантированным от блокировки российских проектов является (возможно, пока) только Telegram. Кроме того, несмотря на довольно динамичное развитие этой сети, она не может конкурировать с возможностями американских виртуальных платформ. Очевидно, вне зависимости от конкретного проекта «виртуального посольства», перед Москвой стоит задача создания и продвижения собственных платформ: в современном цифровом мире значимость государственных и негосударственных акторов определяется в том числе присутствием в сети. Практические шаги в направлении цифровой независимости страны потребуют не только политической воли, но и серьезных временных, интеллектуальных, технологических и финансовых затрат. Поэтому, пока не будут созданы собственные эффективные цифровые инструменты (разумнее всего их создавать в тесной кооперации с белорусским IT-комплексом, имеющим репутацию одного из лидеров в этой области [Заварин, 2018]), можно использовать схему параллельного импорта и продукты импортозамещения. Впрочем, собственно технические возможности и ограничители могут обосновать только IT-специалисты, если будет принято политическое решение о создании отечественных виртуальных посольств.

В заключение еще раз отметим, что статус виртуального посольства, скорее, вспомогательный и очень далек от притязаний на лидирующие, и тем более замещающие, позиции в дипломатии. Но не будем забывать, что не менее далек он от первых дискуссий и реализаций (как прошедшее мимо широкой публики открытие Швецией своего посольства в виртуальном мире Second Life в 2007 г.). Сегодня – при всех нареканиях и недостатках – это уже состоявшийся опыт, готовый после осмысления, всестороннего анализа и коррекции к применению на любой почве (взаимодействия с государственными и негосударственными акторами, например), любой – и в том числе российской – официальной дипломатией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексеев А. (1999) Иранские пленники // Коммерсантъ. 4 ноября. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/229436?ysclid=lko7hehw1s464704809> (дата обращения: 27.07.2022).

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. (2022) Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы // Вестник международных организаций. Т. 17. № 2. С. 208–223.

Бернс У. (2019) Потерянное искусство американской дипломатии. Можно ли спасти Государственный департамент? // Россия в глобальной политике. № 3. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/poteryannoe-iskusstvo-amerikanskoj-diplomatii/> (дата обращения: 27.07.2022).

¹⁰ Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории России.

¹¹ Соцсеть признана экстремистской и запрещена на территории России.

¹² Соцсеть заблокирована в России.

- Бордачев Т. (2023) Дипломатическая практика новейшего времени // «Валдай». Международный дискуссионный клуб [Электронный ресурс]. 25 апреля. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/diplomaticheskaya-praktika-noveyshego-vremeni/> (дата обращения: 29.07.2022).
- Заварин С. (2018) Республика Беларусь: успехи ИТ-отрасли связаны с развитием высшего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cs.hse.ru/HERB/zavarin?ysclid=lmsw5xd0wt641483454>
- Зонова Т. (2019) Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. 18 апреля. Режим доступа: <https://russianscouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 23.07.2022).
- Крамаренко А. (2019) Кризис дипломатии и «два в одном» мировой политики // Российский совет по международным делам (РСМД) [Электронный ресурс]. 19 апреля. Режим доступа: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/krizis-diplomatii-i-dva-v-odnom-mirovoy-politiki/?sphrase_id=84889741 (дата обращения: 27.07.2022).
- Мелкумян Е. (2022) Космическая деятельность ОАЭ: разрушение стереотипов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 5. С. 78–87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87>
- Мирский Г. (2009) Иран и США // *Россия и мусульманский мир*. № 8. С. 138–162. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-i-ssha/viewer> (дата обращения: 27.07.2022).
- Пономарева Е. (2015) Современность: тайноявное политических переворотов // *De Aenigmatе, About the Secret* / под ред. К.А. Фурсова. М.: Тов-во науч. изд. КМК. С. 461–520.
- Сушенцов А. (2022) Личный опыт или историческое знание? Что поможет современной дипломатии // Международный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. 7 июля. Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vtoroe-rozhdenie-diplomatii/?ysclid=lko611debu4271745> (дата обращения: 29.07.2023).
- ТАСС (2021) СМИ: Барбадос станет первым в мире государством с посольством в метавселенной. 18 ноября. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-ranogama/12960839> (дата обращения: 21.07.2023).
- Хвостик С. (2021) «Зловредное влияние». Косово объявило двух дипломатов РФ персонами нон гра-та // *Газета.ру* [Электронный ресурс]. 22 октября.
- Barbados Today (2021) Stir Over Barbados' Metaverse Embassy. 18 November. Режим доступа: <https://barbados-today.bb/2021/11/18/stir-over-barbados-metaverse-embassy/> (дата обращения: 21.07.2023).
- BBC News (2011) “Virtual” US Iranian Embassy Opens Online. 6 December. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-16061178> (дата обращения: 11.10.2023).
- Bloomberg (2021) Barbados Is Opening a Diplomatic Embassy in the Metaverse. 14 December. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-14/barbados-tries-digital-diplomacy-with-planned-metaverse-embassy#xj4y7vzkg> (дата обращения: 22.07.2023).
- Buck C. (2009) *Religious Myths and Visions of America: How Minority Faiths Redefined America's World Role*. Westport: Praeger.
- Cohen R. (2013) Diplomacy Is Dead // *The New York Times*. 21 January. Режим доступа: <https://www.ny-times.com/2013/01/22/opinion/global/roger-cohen-diplomacy-is-dead.html> (дата обращения: 22.07.2023).
- Dale H. (2011) “Virtual” Tehran Embassy Not Worth State Department's Time // *The Daily Signal*. 8 December. Режим доступа: <https://www.dailysignal.com/2011/12/08/virtual-tehran-embassy-not-worth-state-departments-time/> (дата обращения: 22.07.2023).
- Digital Diplomacy (2014) Iran and Israel Establish Virtual Relations. 15 March. Режим доступа: <https://dig-dipblog.com/2014/03/15/iran-and-israel-establish-virtual-relations/> (дата обращения: 22.07.2023).
- Erdbrink T. (2011) U.S. Opens a “Virtual Embassy” in Iran // *The Washington Post*. 6 December. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/blogs/checkpoint-washington/post/us-opens-a-virtual-embassy-in-iran/2011/12/06/gIQAEn0wZO_blog.html (дата обращения: 25.07.2023).
- Fialho L.P., Wallen M. (2013) *U.S. Public Diplomacy Towards Iran*. American Security Project, 6 August. Режим доступа: <https://www.americansecurityproject.org/ASP%20Reports/Ref%200131%20-%20US%20Public%20Diplomacy%20Towards%20Iran.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).

- Helland E. (2018) Virtual Exchange, An Evolution in Citizen Diplomacy // Center on Public Diplomacy Blog. 26 January. Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/virtual-exchange-evolution-citizen-diplomacy> (дата обращения: 20.07.2023).
- Howard P.N. (2012) Don't Close Foreign Embassies, Open Digital Ones // HuffPost. 2 October. Режим доступа: https://www.huffpost.com/archive/ca/entry/dont-close-foreign-embassies-open-digital-ones_b_1911262 (дата обращения: 21.07.2023).
- Iran International (2022) Iran to Continue Social Media Ban, Grant Access to Regime Insiders. 26 October. Режим доступа: <https://www.iranintl.com/en/202210268565> (дата обращения: 24.07.2023).
- Oliver A. (2016) The Irrelevant Diplomat. Do We Need Embassies Anymore? // Foreign Affairs. 14 March. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2016-03-14/irrelevant-diplomat> (дата обращения: 11.10.2023).
- Rad J. (2011) An American Virtual Embassy in Tehran? // Center on Public Diplomacy Blog. 27 October. Режим доступа: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/american-virtual-embassy-tehran> (дата обращения: 23.07.2023).
- Ravid B. (2013) Israel Opens a "Virtual Embassy" to Gulf States // Haaretz. 21 July. Режим доступа: <https://www.haaretz.com/2013-07-21/ty-article/.premium/israel-opens-gulf-virtual-embassy/0000017f-e140-df7c-a5ff-e37a523a0000> (дата обращения: 25.07.2023).
- Reuters (2012) U.S. "Virtual Embassy" Blocked by Iran Net Censor. 8 December. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-website-idUSTRE7B610E20111208> (дата обращения: 21.07.2023).
- Rossiter C. (1956) The Old Conservatism and the New Diplomacy // The Virginia Quarterly Review. Vol. 32. No. 1. P. 28–49.
- Seib P. (2010) Transnational Journalism, Public Diplomacy, and Virtual States // Journalism Studies. Vol. 11. Issue 5. P. 734–744. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.503023> (дата обращения: 24.07.2023).
- Spies Y.K. (2019) Global South Perspectives on Diplomacy. Cham: Palgrave Macmillan.
- Statistical Office of the Republic of Serbia (2023) 2022 Census of Population, Households and Dwellings: Ethnicity Data by Municipalities and Cities. Режим доступа: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2023/PdfE/G20234001.pdf> (дата обращения: 18.09.2023).
- The Times of India (2012) US' Embassy for Iranians a Hit. 7 December. Режим доступа: <https://timesofindia.indiatimes.com/tech-news/us-virtual-embassy-for-iranians-a-hit/articleshow/17522467.cms> (дата обращения: 25.07.2023).
- U.S. Virtual Embassy Iran (n.d.) Why Virtual Embassy Tehran? Режим доступа: <https://ir.usembassy.gov/tehran/> (дата обращения: 19.07.2023).

Virtual Embassy: New Technologies of Representation and Influence (Rethinking the American Experience)¹

E. Arlyapova, E. Ponomareva

Elena Arlyapova – PhD (Political Science), Institute of System-Strategic Analysis (ISSA); 16 Kuskovskaya Ulitsa, Moscow, 111398, Russia; elena.s.arlyapova@gmail.com

Elena Ponomareva – Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation; 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; nastya304@mail.ru

Abstract

This article analyzes the American experience of creating and operating a virtual embassy in Iran. We consider the issue through the prism of the development of new information technologies and their applicability in the fields of foreign policy and diplomacy. In the Russian expert environment, this topic has not received due attention and reflection, although it could become an independent direction in academic study. Most importantly, the virtual embassy could offer a quick and relatively inexpensive solution to very specific challenges – both on a temporary and permanent basis – in the practical part of current foreign policy.

For Russia, the experience of implementing and managing such a technological unit could be applied in several different areas, united by the impossibility or difficulty of carrying out activities through traditional diplomatic channels in a particular political and geographical area. One of the most suitable locations for the application of such efforts is the polity of Kosovo, where the work of the Russian diplomatic mission is not being carried out for formal reasons that are understandable but lag behind the rapidly changing conditions of international life. As a result, there is a risk that future work in the region will need to start from scratch or even make up lost ground. But this is just one, and the most obvious, example of the need to virtualize a diplomatic mission. The current crisis has revealed the contours of much larger areas that are now inaccessible to Moscow's traditional diplomatic activity but require constant attention and systematic work. An alternative could be a virtual space – as a launching pad for dialogue and then transformed into complementary and reinforcing tools of presence and influence. The successful experience of Russian media abroad speaks for the high potential and good chances of these new directions.

Keywords: virtual embassy, ICT, digital diplomacy, new technologies of influence, Russian foreign policy, US-Iranian relations, public diplomacy

For citation: Arlyapova E., Ponomareva E. (2023) Virtual Embassy: New Technologies of Representation and Influence (Rethinking the American Experience). *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no 3, pp. 32–47 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2023-03-02

References

- Alekseev A. (1999) Iranskie plenniki [Iranian Captives]. *Kommersant*, 4 November. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/229436?ysclid=lko7hehw1s464704809> (accessed 27 July 2022) (in Russian).
- Arlyapova E., Ponomareva E., Proroković D. (2022) NATO's Capabilities in Global Governance: on the Balkan SCENE. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 2, pp. 208–23. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09> (accessed 21 July 2023).

¹ This article was submitted 27.07.2023.

- Barbados Today (2021) Stir Over Barbados' Metaverse Embassy, 18 November. Available at: <https://barbados-today.bb/2021/11/18/stir-over-barbados-metaverse-embassy/> (accessed 21 July 2023).
- BBC News (2011) "Virtual" US Iranian Embassy Opens Online, 6 December. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-16061178> (accessed 11 October 2023).
- Bloomberg (2021) Barbados Is Opening a Diplomatic Embassy in the Metaverse, 14 December. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-14/barbados-tries-digital-diplomacy-with-planned-metaverse-embassy#xj4y7vzkg> (accessed 22 July 2023).
- Bordachev T. (2023) Diplomaticeskaja praktika novejshego vremeni [Diplomatic Practice of Modern Times] // Mezhdunarodnyj klub "Valdaj" [International Valdai Club] [Electronic resource]. 25 April. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/diplomaticeskaya-praktika-noveyshego-vremeni/> (accessed 29 July 2022) (in Russian).
- Buck C. (2009) *Religious Myths and Visions of America: How Minority Faiths Redefined America's World Role*. Westport: Praeger.
- Burns W. (2019) Poterjannoe iskusstvo amerikanskoj diplomatii. Mozhno li spasti Gosudarstvennyj departament [The Lost Art of American Diplomacy: Can the State Department Be Saved]? *Russia in Global Affairs*, no 3. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/poteryannoe-iskusstvo-amerikanskoj-diplomatii/> (accessed 27 July 2022) (in Russian).
- Cohen R. (2013) Diplomacy Is Dead. *The New York Times*, 21 January. Available at: <https://www.nytimes.com/2013/01/22/opinion/global/roger-cohen-diplomacy-is-dead.html> (accessed 22 July 2023).
- Dale H. (2011) "Virtual" Tehran Embassy Not Worth State Department's Time. *The Daily Signal*, 8 December. Available at: <https://www.dailysignal.com/2011/12/08/virtual-tehran-embassy-not-worth-state-departments-time/> (accessed 22 July 2023).
- Digital Diplomacy (2014) Iran and Israel Establish Virtual Relations, 15 March. Available at: <https://digdip-blog.com/2014/03/15/iran-and-israel-establish-virtual-relations/> (accessed 22 July 2023).
- Erdbrink T. (2011) U.S. Opens a "Virtual Embassy" in Iran. *The Washington Post*, 6 December. Available at: https://www.washingtonpost.com/blogs/checkpoint-washington/post/us-opens-a-virtual-embassy-in-iran/2011/12/06/gIQAEn0wZO_blog.html (accessed 25 July 2023).
- Fialho L.P., Wallen M. (2013) U.S. Public Diplomacy Towards Iran. *American Security Project*, 6 August. Available at: <https://www.americansecurityproject.org/ASP%20Reports/Ref%2000131%20-%20US%20Public%20Diplomacy%20Towards%20Iran.pdf> (accessed 11 October 2023).
- Helland E. (2018) Virtual Exchange, An Evolution in Citizen Diplomacy. *Center on Public Diplomacy Blog*, 26 January. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/virtual-exchange-evolution-citizen-diplomacy> (accessed 20 July 2023).
- Howard P.N. (2012) Don't Close Foreign Embassies, Open Digital Ones. *HuffPost*, 2 October. Available at: https://www.huffpost.com/archive/ca/entry/dont-close-foreign-embassies-open-digital-ones_b_1911262 (accessed 21 July 2023).
- Hvostik S. (2021) "Zlovrednoe vlijanie". Kosovo objavilo dvuh diplomatov RF personami non grata ["Malicious Influence": Kosovo Declares Two Russian Diplomats Persona Non Grata]. *Gazeta.ru*, 22 October. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/10/22_a_14123935.shtml?ysclid=lkjc7svjc1513599103 (accessed 21 July 2023).
- Iran International (2022) Iran to Continue Social Media Ban, Grant Access to Regime Insiders, 26 October. Available at: <https://www.iranintl.com/en/202210268565> (accessed 24 July 2023).
- Kramarenko A. (2019) Krizis diplomatii i "dva v odnom" mirovoj politiki [The Crisis of Diplomacy and the "Two in One" of World Politics]. *Russian International Affairs Council (RIAC)*, 19 April. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/global-governance/krizis-diplomatii-i-dva-v-odnom-mirovoy-politiki/?sphrase_id=84889741 (accessed 27 July 2022) (in Russian).
- Melkumyan E. (2022) United Arab Emirates Space Activity: Breaking the Stereotypes. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no 5, pp. 78–87. Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87> (accessed 27 July 2022) (in Russian).

- Mirsky G. (2009) Iran i SShA [Iran and the USA]. *Rossija i musulmanskij mir [Russia and the Muslim World]*, no 8, pp. 138–62. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-i-ssha/viewer> (accessed 27 July 2022) (in Russian).
- Oliver A. (2016) The Irrelevant Diplomat. Do We Need Embassies Anymore? *Foreign Affairs*, 14 March. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2016-03-14/irrelevant-diplomat> (accessed 11 October 2023).
- Ponomareva E. (2015) Sovremennost: tajnojavnoe politicheskikh perevorotov [Modernity: The Secret of Political Upheavals]. *De Aenigmat, About the Secret* (K.A. Fursov (ed.)). Moscow: Partnership of Scientific Publications KMK, pp. 461–520 (in Russian).
- Rad J. (2011) An American Virtual Embassy in Tehran? *Center on Public Diplomacy Blog*, 27 October. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/american-virtual-embassy-tehran> (accessed 23 July 2023).
- Ravid B. (2013) Israel Opens a “Virtual Embassy” to Gulf States. *Haaretz*, 21 July. Available at: <https://www.haaretz.com/2013-07-21/ty-article/.premium/israel-opens-gulf-virtual-embassy/0000017f-e140-df7c-a5ffe37a523a0000> (accessed 25 July 2023).
- Reuters (2012) U.S. “Virtual Embassy” Blocked by Iran Net Censor, 8 December. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-website-idUSTRE7B610E20111208> (accessed 21 July 2023).
- Rossiter C. (1956) The Old Conservatism and the New Diplomacy. *The Virginia Quarterly Review*, vol. 32, no 1 pp. 28–49.
- Seib P. (2010) Transnational Journalism, Public Diplomacy, and Virtual States. *Journalism Studies*, vol. 11, issue 5, pp. 734–44. Available at: <https://doi.org/10.1080/1461670X.2010.503023> (accessed 24 July 2023).
- Spies Y.K. (2019) *Global South Perspectives on Diplomacy*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Statistical Office of the Republic of Serbia (2023) 2022 Census of Population, Households and Dwellings: Ethnicity Data by Municipalities and Cities. Available at: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2023/PdfE/G20234001.pdf> (accessed 18 September 2023).
- Sushentsov A. (2022) Lichnyj opyt ili istoricheskoe znanie? Chto pomozhet sovremennoj diplomatii [Personal Experience or Historical Knowledge? What Will Help Modern Diplomacy]. *Mezhdunarodnyj klub “Valdaj”. Valdai International Club*, 7 July. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vtoroe-rozhdenie-diplomatii/?ysclid=1ko611de6u4271745> (accessed 29 July 2023) (in Russian)
- TASS (2021) SMI: Barbados stanet pervym v mire gosudarstvom s posol'stvom v metaverse [Media: Barbados Will Become the World's First State With an Embassy in the Metaverse]. 18 November. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12960839> (accessed 21 July 2023) (in Russian).
- The Times of India (2012) US' Embassy for Iranians a Hit. 7 December. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/tech-news/us-virtual-embassy-for-iranians-a-hit/articleshow/17522467.cms> (accessed 25 July 2023).
- U.S. Virtual Embassy Iran (n.d.) Why Virtual Embassy Tehran? Available at: <https://ir.usembassy.gov/tehran/> (accessed 19 July 2023).
- Zavarin S. (2018) Respublika Belarus': uspehi IT-otrasli svjazany s razvitiem vysshego obrazovanija [Republic of Belarus: Are the Successes of the IT Industry Related to the Development of Higher Education]? *HSE University*. Available at: <https://cs.hse.ru/HERB/zavarin?ysclid=lmsw5xd0wt641483454> (accessed 18 September 2022) (in Russian).
- Zonova T. (2019) Novoe v diplomatii: ot “TviPlomasi k “TehPlomasi [New in Diplomacy: From “TwiPlomasi” to “TechPlomasi”]. *Russian International Affairs Council (RIAC)*, 18 April. Available at: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (accessed 23 July 2022) (in Russian).